

Джебран Халиль Джебран

Пророк

Ал-Мустафа, Несравненный среди всеми любимых, тот, кто был рассветом собственного дня, ждал 12 лет в городе Орфалесе. Он ждал своего корабля, что должен был вернуться и забрать его на остров, где он родился.

И на двенадцатый год, на седьмой день месяца жатвы он взошел на холм за городскими стенами и взглянул в сторону моря, и он увидел свой корабль, выходящий из тумана.

Тогда врата его сердца широко раскрылись, и его радость устремилась далеко в море. И он закрыл свои глаза и начал молиться в молчании души своей.

Но когда он спускался с холма, грусть вошла в его сердце, и он подумал о своем сердце:

— Как я смогу уйти отсюда спокойно и без печали?

Нет, не без раны в душе покину я этот город.

Длинными были дни боли, которые я провел в этих стенах.

И длинные были ночи одиночества.

А разве может кто-нибудь покинуть свою боль и свое одиночество без сожаления?

Слишком много частиц своей души раздарил я по этим улицам, и слишком много рожденного моей тоской бродит нагим среди этих холмов, и я не могу уйти от них без боли и сожаления.

Нет, не, одежду снимаю я с себя сегодня, но кожу сдираю с себя своими руками.

Нет, не мысли оставляю я за собой, а свое сердце, размягченное жаждой и голодом.

И все же я не могу быть здесь далее.

Море, которое зовет всех в себя, позвало и меня, и я должен идти.

Потому что не прислушаться к зову часов в ночи и остаться — значит застыть, окаменеть, навеки принять неизменную форму.

Хорошо бы взять с собой все, что здесь есть и уйти. Но как могу я? Голос не может взять с собой язык и те губы, что дали крылья ему.

Один должен он улететь и искать своей цели.

Ведь один, без гнезда своего должен орел пересекать потоки солнечного света.

И сейчас, когда он достиг подножия холма, он снова повернулся к морю и увидел свой корабль, входящий в гавань, а на корабле — моряков, людей его родной земли.

И его душа закричала им, а он сказал:

— Дети моей древней матери, вы, всадники приливов!

Как часто приплывали вы в моих снах. А сейчас вы пришли наяву, и это глубочайший из снов.

Я готов идти, и паруса мои подняты, и с нетерпением я жду ветра.
Только еще один раз вдохну я этот воздух покоя, еще раз оглянусь с любовью назад.
А потом стану среди вас — моряк среди моряков.
И ты, огромное море — бессонная мать.
Ты, которое одно дает мир и свободу реке и ручью.
Только еще один поворот сделает этот ручей, только еще один звук издаст он в своем скольжении.
И тогда я приду к тебе, мельчайшая капелька к безграничному океану.
И пока он шел, он видел издали мужчин и женщин, покидающих свои поля и свои виноградники и спешащих к городским воротам.
И он слышал их голоса, называющие его по имени, перекликающиеся от поля к полю, сообщая друг другу, что пришел его корабль.
И он сказал себе:
— Будет ли этот день расставания днем слияния наших сердец? И можно ли сказать, что закат мой станет воистину рассветом моим?
И что я дам тому, кто оставил свой плуг в полувспаханном поле, или тому, кто остановил колесо своего виноградного пресса?
Станет ли мое сердце деревом, тяжело согнувшимся от плодов, которые я могу собрать и дать им?
И брызнут ли мои чувства как воды фонтана, из которого я смогу наполнить их чаши?
Кто я — арфа, до которой может дотронуться рука Могущественного, или флейта, чтобы Его дыхание прошло сквозь меня?
Но я только искатель молчания, а какое сокровище мог я найти в молчании, чтобы уверенно раздарить его?
Если это день сбора моего урожая, то в какие поля сажал я свои семена и в какие забытые времена?
И если это час, когда я подниму свою лампу, то не мое пламя будет жечь фитиль.
Пустую и темную подниму я лампу.
И пусть Хранитель ночи зальет ее своим маслом и зажжет ее сам.
Все это он сказал словами. Но многое в его сердце осталось несказанным, потому что он сам не мог высказать вслух глубочайшие откровения. И когда он вошел в город, все люди вышли встретить его, и они плакали о нем — все как один человек.
И старцы города вышли вперед и сказали:
— Иди, но не уходи от нас.
Светом полдня был ты в полутьме нашей жизни, и твоя юность дала нам сны, чтобы сновидеть.
Не чужой ты среди нас и не гость, а наш сын и возлюбленный.
Не страдай, хоть наши глаза и будут скучать без лица твоего.
И жрецы и жрицы сказали ему:
— Пусть волны моря не разделят нас сейчас, и годы, что ты провел среди нас, станут памятью.
Ты разбудил в нас высокие чувства, и твоя тень была светом на наших лицах.

Мы так сильно любили тебя.

Но любовь наша была бессловесна и скрыта покровами.

А сейчас она громко кричит тебе и выходит к тебе обнаженная.

Ведь всегда было так: любовь не знает своей глубины до часа разлуки.

И другие тоже подошли и говорили ему. Но он не ответил им. Он только наклонил свою голову, и те, кто стоял ближе, увидели, как слезы падали на его грудь. И он и народ пошли на большую площадь, где стоял храм.

И там из храма вышла женщина, чье имя было Ал-Митра, Пророчицей звали ее.

И с особой нежностью взглянул он на нее. Была она той, кто первая нашла и поверила в него еще в тот день, когда он появился в их городе.

И она приветствовала его, говоря:

— Пророк Бога, в поисках высочайшего, долго выбирал ты пути для своего корабля. Но сейчас твой корабль пришел, ты должен уйти. Ты так тоскуешь по земле твоих грез и страстных желаний, что пусть наша любовь не свяжет тебя, и наши нужды не задержат тебя.

Но мы просим — перед тем как уйдешь от нас, поговори с нами и поделись с нами своим пониманием. И мы передадим его своим детям, а они — своим, и оно не погибнет.

И в своем одиночестве ты следил за нашими днями, и в своей бессоннице ты слушал, о чем мы рыдали и смеялись во сне.

Поэтому сейчас открой нам нас и скажи обо всем, что тебе было открыто из того, что существует между нашим рождением и смертью.

И он ответил:

- Люди Орфалеса, о чем я могу говорить, кроме как о том, что и так живет в ваших душах?

Тогда, просила Ал-Митра:

— Расскажи нам о любви-

И он поднял голову и посмотрел на людей, и молчание снизошло на них. И громким голосом он произнес:

— Когда любовь поманит вас — следуйте за ней.

Хотя пути ее тяжелы и круты.

И когда ее крылья обнимут вас — не сопротивляйтесь ей.

Хотя меч, спрятанный в ее оперении, может пронзить вас.

И когда она говорит с вами — верьте ей.

Хотя ее голос может разрушить ваши мечты, как северный ветер превращает в пустыню сады.

Потому что хоть любовь и надевает корону на вашу голову, но она и распинает вас на кресте. Ведь она не только для вашего роста, но и для подрезания веток, чтобы придать форму вашему дереву.

Ведь она не только поднимается до самого высокого в вас и ласкает нежные ветви, что дрожат на солнце, но и опускается до самых ваших корней и их сотрясает в объятиях с землей.

Как листья кукурузного початка обнимают початок — она прижимает вас к себе.

И как бьют початок, так и она бьет вас, делая свободным от одежд, оставляя лишь зерна.

И как зерна, она просеивает вас, освобождая от шелухи.

И как чистые зерна початка, она толчет вас до белой муки.

И как муку с водой она месит вас, превращая в мягкое тесто.

И тогда только ставит вас в свой священный огонь, чтобы вы могли стать священным хлебом на священном пиршестве Бога.

Все это сделает с вами любовь, чтобы вы могли узнать секреты своего сердца и в этом знании стать частицей самого сердца Господа.

Но, только испугавшись, вы будете искать лишь спокойствия любви и наслаждений любви.

Тогда лучше для вас сразу закрыть свою наготу и уйти с молотильного тока любви.

Уйти в мир безвременья, где вы будете смеяться, но не всем своим смехом, и плакать, но не всеми своими слезами.

Любовь не дает ничего, кроме самой себя, и не берет ничего, кроме самой себя.

Поэтому любовь не обладает ничем, но и ею нельзя обладать.

Ведь любви достаточно только любви.

Когда вы любите, вы не должны говорить "Бог находится в моем сердце", а скорее "я нахожусь в сердце Бога".

И не думайте, что вы можете направлять любовь в ее течении, потому что любовь, если она найдет вас достойным, сама направит вас.

У любви есть одно лишь намерение — осуществить себя.

Поэтому, если вы любите, пусть у вашей любви будет такое же намерение.

Растаять и стать как бегущий ручей, что поет свою мелодию ночи.

Познать боль чрезмерной нежности.

Быть раненым собственным пониманием любви.

И кровоточить охотно и с радостью.

Просыпаться на рассвете с окрыленным сердцем и благодарить за еще один день любви.

Отдыхать в полуденный час, размышляя о любовном восторге.

Возвращаться вечером домой с радостью.

И засыпать с молитвой за свою Возлюбленную в сердце и с песней благодарности на устах.

Тогда Ал-Митра заговорила снова:

— А что ты скажешь о браке, учитель?

И он ответил так:

— Вы были рождены вместе и вместе вы будете всегда.

Вы останетесь вместе, даже когда белые крылья смерти разлучат ваши дни.

Да, вы будете вместе даже в молчаливой памяти Бога.

Но пусть будет свободное пространство в вашем единении.

И пусть ветры небес танцуют между вами.

Любите друг друга, но не делайте оков из любви.

Пусть это будет беспокойное море, колышущееся между берегами ваших душ.

Наполняйте чашу друг друга, но не пейте из одной чаши.

Давайте друг другу свой хлеб, но не откусывайте от одного куска.

Пойте и танцуйте вместе и будете радостны, но позволяйте друг другу бывать наедине с собой.

Ведь и каждая из струн лютни сама по себе, хоть только вместе они звучат в единой мелодии.

Отдавайте свои сердца друг другу, но не на хранение.

Ибо только рука жизни может держать ваши сердца.

Будьте вместе, но не слишком вместе. Будете рядом, но не слишком близко. Потому что и колонны храма стоят отдельно. И дуб, и кипарис не растут в тени друг друга.

И женщина с ребенком на груди просила:

— Скажи нам о детях. И он ответил так:

— Ваши дети — это не ваши дети.

Они сыновья и дочери Жизни, заботящейся о самой себе.

Они появляются через вас, но не из вас. И хотя они принадлежат вам, вы не хозяева им. Вы можете подарить им вашу любовь, но не ваши думы, потому что у них есть их думы.

Вы можете дать дом их телам, но не их душам. Ведь их души живут в доме Завтра, который вам не посетить даже в ваших мечтах.

Вы можете стараться быть похожими на них, но не стремитесь сделать их похожими на себя.

Потому что жизнь идет не назад и не дожидается Вчера.

Вы только луки, из которых посланы вперед живые стрелы, которые вы зовете своими детьми.

Лучник видит свою цель на пути в бесконечное, и это Он сгибает нас своей силой, чтобы Его стрелы могли лететь быстро и далеко.

Пусть ваше сгибание в руках этого Лучника будет вам на радость.

Ведь он любит не только свою стрелу, что летит, но и свой лук, хотя он и неподвижен.

Тогда богач просил:

— Скажи нам о том, как дарить.

И он ответил ему:

— Вы даете лишь самую малость, когда дарите часть того, чем владеете;

Только тогда, когда вы будете отдавать часть самого себя, вы по-настоящему дарите.

Ведь что есть то, чем вы владеете, как не вещи, которые вы бережете и охраняете из-за боязни, что они будут нужны вам завтра?

А завтра — что принесет завтра слишком расчетливой собаке, закапывающей кости в бескрайних песках, когда она следует за паломником в святой город?

И разве боязнь нужды не то же, что и сама нужда?

Разве ужас от возможности жажды не то же, что и сама жажда, даже если ваш колодец полон воды?

Некоторые, владея многим, дарят лишь самую малость того, что имеют. Они дарят лишь, чтобы другие узнали об этом. Их скрытое желание этого делает их подарки безнравственными.

А есть такие, которые обладают немногим и отдают все.

Это те, кто верит в жизнь и в ее щедрость, и их кошелек никогда не бывает пуст.

Есть такие, кто дарит с радостью, и эта радость есть их награда.

И есть такие, кто дарит, но с болью, и эту боль они несут как свой крест.

И есть те, кто отдает без боли и не ищет от этого радости, и не думает о добродетели.

Они дарят так, как в цветущей долине мирт дарит свой аромат небесам.

Руками таких вот как эти творит Господь, и он улыбается земле их глазами.

Хорошо отдавать по просьбе, но лучше дать, когда тебя и не просили, лишь потому, что сам все понимаешь.

И для того, кто парит охотно, поиск того, кому дать — это радость много большая, чем само дарение.

А есть ли что-нибудь такое, что нельзя подарить?

Все, чем владеете, все равно когда-нибудь будет роздано.

А раз так — отдавайте же сами, сейчас. Пусть время дарения будет вашим, а не ваших наследников.

Вы часто говорите: "Я бы дал, но лишь тем, кто заслуживает".

Деревья вашего фруктового сада не говорят так, не говорят так и стада ваших пастбищ.

Они отдают, чтобы жить, потому что не отдать для них — значит погибнуть.

Ведь наверняка тот, кто был избран, чтобы получить свои дни и ночи, достоин наполнить свою чашу и из вашего маленького ручья.

Разве может быть ноша тяжелее чем та, которую надо взвалить, чтобы принять подавание.

Мужество, уверенность и даже милосердие нужно, чтобы принять подарок.

И кто ты такой, чтобы люди унижались перед тобой, чтобы ты мог видеть их суть обнаженной и гордость, лишенной стыла?

Убедись сначала, что ты сам достоин быть тем, кто дает, быть посланием дарения. - Ведь в действительности только жизнь дает жизни, а ты, мнящий себя дающим, на самом деле только свидетель.

И вы, кто получил, — а получаете все вы — не думайте о величине благодарности, ведь этим вы возложите тяжесть на себя и на того, кто вам дал.

Вместо этого взлетите вместе с дающим на дарах его как на крыльях.

Потому что быть заполненным думой о долге — значит сомневаться в щедрости того, чьей матерью была земля, свободная сердцем, и чьим отцом был сам Бог.

И тогда старый человек, содержатель постоянного двора, просил:

— Скажи нам о еде и питье. И он ответил так:

— Хорошо если бы вы могли жить ароматом Земли и как растение брать жизненные силы от света.

Но раз вы должны убивать, чтобы есть, и отнимать у новорожденного молоко его матери, чтобы утолить свою жажду, пусть это будет священный акт.

И пусть алтарем будет ваш обеденный стол, алтарем, на котором чистые дары лесов и полей приносятся в жертву высшей чистоте и невинности, что живет в человеке.

И когда вы зверя лишаете жизни, обратитесь к нему в своем сердце: "Той же силой, что сразила тебя, я тоже буду сражен, и меня тоже съедят или используют. Ведь тот же закон, что отдал тебя в мои руки, отдаст и меня в еще более могучие руки.

И твоя и моя кровь — это только сок, который питает дерево рая".

И когда под твоими зубами хрустит яблоко, скажи ему в своем сердце: "Твои семена будут жить в моем теле.

И бутоны твои завтра расцветут в моем сердце.

И аромат твой будет в моем дыхании.

И вместе мы будем радоваться снова и снова всем временам года".

И осенью, когда вы собираете виноград со своих виноградников для виноградного точила, скажите в своем сердце: "Я тоже только виноградник, и мои плоды тоже соберут для точила.

И как молодое вино меня спрячут в амфоры вечности".

И зимой, когда откроете это вино, пусть в вашем сердце будет песня для каждой чаши.

И пусть в этой песне будет память о тех осенних днях, и о винограднике и виноградном точиле.

Тогда пахарь произнес:

— Скажи нам о труде. И он ответил:

— Вы работаете, чтобы быть вместе с землей и душой земли.

Ведь бездельничать — значит стать другим временем года и выпасть из течения жизни — течения, что движется величаво в бесконечность в гордом преклонении перед ней.

Когда вы работаете, вы становитесь флейтой, в сердце которой шепот часов превращается в музыку,

И кто из вас хотел бы стать тростником, немым и молчаливым, когда все остальные поют в унисон?

Вам всегда говорили, что работа — это проклятие, и физический труд — это несчастье.

Но я скажу вам, что когда вы работаете, вы осуществляете часть самой заветной мечты земли, порученной вам, когда эта мечта только родилась. И занимаясь трудом, вы по-настоящему любите жизнь.

Потому что любить жизнь через труд — значит близко узнать самые сокровенные секреты жизни.

Но если вы в муках боли называете рождение бедствием и работу для поддержания тела проклятием, написанным на вашем лбу, тогда я скажу вам, что только в поте лица смоете вы то, что там начертано.

Вам говорили, что жизнь — это тьма, и в своей усталости вы повторяли то, что было сказано раньше усталыми.

И я говорю, что жизнь — это действительно тьма, пока не проснется стремление.

Но любое стремление слепо, пока нет труда.

Но и любой труд пуст, пока нет любви.

И только когда ты делаешь с любовью, ты соединяешь себя с собой, и с другими людьми, и с Богом.

А что такое трудиться с любовью?

Это ткать, ткань из ниток, тянущихся из твоего сердца так, будто твоя возлюбленная собирается носить эту ткань.

Это строить дом с любовью так, будто твоя возлюбленная будет жить в этом доме.

Это бросать семена с нежностью и собирать урожай с радостью, будто твоя возлюбленная будет есть эти плоды.

Это значит наполнять все вещи, которые ты делаешь, дыханием твоей души.

И знать, что все великие мертвые стоят рядом и смотрят.

Часто я слышал вас как бы говорящими во сне:

"Тот, кто работает с мрамором и находит форму своей души в этом камне, благородней того, кто пашет землю.

И тот, кто берет радугу, чтобы положить ее на холст на радость людям — больше чем тот, кто делает сандалии для наших ног".

Но я отвечу и не во сне, а со всей ясностью ума середины дня, что ветер говорит с огромными дубами так же нежно, как и с самыми маленькими стебельками травы.

И велик только тот, кто превращает голос ветра в песнь, что стала слаще от его собственной любви.

Труд — это любовь, которая видима.

И если ты можешь трудиться без любви, а лишь с отвращением, будет лучше, если ты оставишь работу и сядешь у ворот храма и будешь просить милостыню у тех, кто работает с радостью.

Потому что, если ты печешь хлеб с безразличием — ты печешь горький хлеб, который насыщает только наполовину.

И если ты давишь виноград с неохотой, то твоя неохота перегоняется в яд твоего вина.

И если ты поешь даже как ангел, но любви нет в твоём пении, ты только заглушаешь голоса дня и ночи в ушах других людей.

И тогда женщина просила:

— Скажи нам о радости и о печали.

И он ответил так:

— Твоя радость — это твое горе без маски.

Ведь тот же самый колодец, из которого поднимается твой смех, был часто заполнен твоими слезами.

И разве может быть иначе?

Чем глубже твое горе проникло в тебя, тем больше и радости может вместиться в тебе.

Разве не та же чаша, что содержит твое вино, обжигалась когда-то в печи Гончара?

И разве лютня, улаждая твой дух, не то самое дерево, которое страдало пол ножами резчиков?

Когда ты радуешься, загляни глубоко в свое сердце — ты увидишь, что в действительности ты плачешь о том, что было твоей радостью.

И когда тебе горько, загляни снова в свое сердце — и ты обнаружишь, что только то, что приносило тебе радость, дает тебе и печаль.

Кто-то из вас может сказать: "Радость, больше чем печаль!"

Другие скажут: "Нет, горе — больше!"

Но я скажу вам — они неразлучны.

Вместе пришли они, нас коснулись едва, и, когда одна из них сидит с тобой за столом, помни — другая спит на твоей кровати.

Действительно, как стрелка весов, ты колеблешься между горем и радостью.

И только когда ты пуст, она неподвижна и в равновесии.

Но чуть лишь Хранитель сокровищ поднимет весы, чтобы взвесить свое золото и серебро, обязательно радость или горе на чашах поднимется или опустится.

Тогда каменщик вышел из толпы и просил:

— Расскажи нам о жилищах.

И он ответил так:

— Когда вы строите дом внутри городских стен, вообразите, что вы строите жилище среди дикой природы.

Именно его видит странник, спрятанный в вас, как бы ни был он одинок и далек.

Ведь ваш дом — продолжение вас самих.

Он растет под солнцем и спит в спокойствии ночи.

И, конечно, у него есть сны.

И разве ваш дом не мечтает?

И мечтая, разве он не уходит из города в рощу или на вершину холма?

Ах, если бы мог я собрать ваши дома в свою руку и как сеятель разбросать их по лесам и полям. И тогда долины стали бы вашими улицами и зеленые тропинки дорогами, чтобы вы могли ходить друг к другу через виноградинки и приносить аромат земли на одеждах.

Но время для этого еще не настало.

Ваши предки в страхе прижались слишком плотно друг к другу.

Этот страх пока еще не прошел. И стены вашего города будут пока отделять ваши очаги от ваших полей.

И скажите мне, люди Орфалеса, что есть у вас, в ваших домах?

Что храните вы там, за дверьми, что закрыты?

Есть ли там мир и спокойствие, говорящие о том, что вы сильны?

Есть ли там воспоминания, эти мерцающие своды, соединяющие вершины умов?

Есть ли там красота, ведущая сердце от вещей, сотворенных из камня и дерева, к священным вершинам?

Скажите, есть ли все это в ваших домах?

Или есть у вас только комфорт и стремление к комфорту — этот вороватый пришелец, который входит в дом как гость, потом становится хозяином, а затем и властелином.

И как укротитель зверей, он железным крючком и бичом превращает ваши самые большие желания в марионетки.

Хоть у него и мягкие руки, сердце его из железа.

Он баюкает вас, только чтобы стать у кровати и смеяться над достоинством вашим.

Он высмеивает ваши разумные чувства и заворачивает их в мягкий пух сухих трав моря как хрупкие амфоры.

Вот так стремление к роскоши убивает пыл души, а потом идет, улыбаясь на похоронах.

Но вы, дети пространств, вы, неутомимые даже во сне, вы не дадите себя поймать и укротить.

Вашим домом будет не якорь, а мачта.

Он будет не блистательным покровом, скрывающим рану, но веком, защищающим глаз.

И вы не сложите крыльев, только чтобы проходить через двери, и не склоните голову, только чтобы не удариться о низкий косяк.

И вы не будете бояться дышать только оттого, что стены ваши при этом могут треснуть и обрушиться.

И вы не будете жить в гробницах, сделанных мертвыми для живых.

Ведь как ни красив и богат ваш дом, он не сохранит вашей тайны и не спрячет вашей тоски.

Ведь то в вас, что не имеет границ, остается во дворце неба, чья дверь — утренний туман и чьи окна — песни и молчание ночи.

И тогда ткач просил:

— Скажи нам об одеждах.

И он ответил:

— Ваши одежды скрывают большую часть того, что в вас прекрасно, но они не скрывают того, что в вас некрасиво.

И хотя вы в одеждах ищете свободу иметь свою тайну, вы найдете в них лишь хомут и цепи.

А без них вы смогли бы встретить солнце и ветер всей вашей кожей, а не только хитомом.

Потому, что дыхание жизни заключено в луче солнца и рукой жизни можно назвать ветер.

Кое-кто из вас скажет, что те одежды, какие носили мы, сотканы северным ветром.

И я скажу, — да, это северный ветер!

Но ваш стыд был его ткацким станком, и ваша изнеженность была его ниткой.

И когда он кончил эту работу, он смеялся над вами в лесу.
Не забудьте, что скромность — это шит против глаза, который нечист.
И когда нечистых не будет — не станет ли скромность лишь уздой и обманом ума? И не забудьте, — земле приятно чувствовать ваши босые ноги, а ветрам хочется играть вашими волосами.

И купец просил:

— Расскажи нам о купле и продаже.

И он ответил так:

— Вы те, кому земля отдает свои плоды, И вы не будете нуждаться, если знаете, что с ними делать.

Ведь в обмене даров земли вы найдете и богатство, и достаток, и удовольствие.

И все же, если обмен не будет сделан с любовью и согласием, он приведет одних к жадности, а других к голоду.

Вы те, кто уходит в туманное море или идет в поле за плугом, или подрезает лозу. Придя на базар, вы встречаете тех, кто делает ткани, обжигает горшки и собирает душистые пряности.

Позовите тогда главного духа Земли, чтобы он появился среди вас и освятил бы ваши весы и вашу способность считать, сколько весит каждая ценность по отношению к другой.

И сторонитесь бездельников в ваших делах — тех, кто будет пытаться продать свое пустомельство за труд ваш.

Такому скажите: "Иди со мной в поле или с братьями нашими в море и закинь там сеть свою сам. Потому что земля или море будут к тебе так же щедры, как были щедры к нам".

И если к вам придут певцы, танцоры, флейтисты — купите и их дары тоже.

Потому что и они — лишь собиратели плодов и благовоний, и то, что они с собой принесли на продажу, — это тоже хорошая пища для вашей души, хоть она сделана только из мечты и видений.

И прежде чем покинете вы ту базарную площадь, проследите, чтобы ни один не ушел бы с пустыми руками.

Потому что главный дух Земли не уснет спокойно, пока не будет удовлетворен и самый малый из вас.

И тогда один из судей города вышел вперед и просил:

— Скажи нам о преступлении и наказании. И он ответил так:

— Когда дух ваш уходит бродяжничать как игрушка ветров, вот тогда-то вы, одинокие и незащищенные, и совершаете злодеяния против других, а значит, и против себя.

И за то плохое, что вы совершили, вы должны набраться терпения и ждать, постучавшись у ворот, что открыты только для благословенных.

Как океан велика божественная часть вашего "Я".

Она всегда остается неоскверненной.

Но как эфир она держит на себе только тех, у кого есть крылья.

И на солнце похожа божественная часть вашего "Я".

Она не знает путей, которыми пробирается крот, или нор, по которым пробираются змеи.

Но божественное вашего "Я" живет не одно в вас.

Многое в вас еще от человека и многое даже от того, кто был до него.

То, что живет бесформенно в вас от вашего темного предка, бродит сонно в тумане, стараясь проснуться.

Но только с тем, что в вас человек, говорю я.

Что есть преступление и какое за него наказание знает не божественное вашего "Я" и не часть его, что от темноты, а только то в вас, что от человека.

Часто слышал я, вы говорили о том, кто сделал зло так, будто он не был одним из вас, а был для вас только странник, пришелец из другого мира.

А я говорю, что как святой и праведный не может подняться выше самого высокого, что

есть в каждом из вас, так и злой и слабый не может пасть ниже самого низкого, что также есть в каждом из вас.

И как лист одинокий не становится желтым без молчаливого согласия целого дерева, так и обидчик не может сделать плохое, если все вы не желаете того же тайком.

Ведь не одиночками, а как процессия, идете вы все к божественному внутри вас. И вы одновременно и путник и дорога. И когда один из вас падает, он падает за тех, кто позади, чтобы те не споткнулись о камень.

Да, но он падает из-за тех, кто впереди, кто, хоть и силен в ногах и проворен, все же не убрал камень с дороги.

И скажу еще то, что будет вам не по нраву. Убитый не свободен от ответственности за убийство свое.

И ограбленный не безвиновен за то, что ограблен. И праведный не может отгородиться от дел греховодника.

И тот, у кого чистые руки, — не чист в делах обманщика.

Да, виновный сам часто жертва пострадавшего.

И еще чаще осужденный несет свое бремя за тех, кто остался без греха и кого не винят.

Но нельзя отделить справедливое от несправедливого и хорошее от греховного.

Потому что они всегда едины перед лицом солнца как белая нитка и черная свитые вместе.

И когда порвется черная нитка, ткач не только осмотрит весь уже сотканный материал, но также проверит и ткацкий станок.

И если кто-то из вас возьмется судить о чьей-то неверной жене, то пусть он взвесит, и сердце мужа ее на весах и измерит душу его по всем меркам.

И пусть тот, кто готовит плетку обидчику, всмотрится в душу того, кто обижен.

И если кто-то из вас будет наказывать, от имени праведных, готовый обрушить топор на дерево зла, пусть он всмотрится и в корни его.

И, конечно, он найдет там корни зла, но найдет там и корни добра, свитые вместе.

Корни полезного и корни вредного свиты вместе в тишине сердца земли.

И вы, судьи, желающие быть справедливыми, что за приговор прочтете вы тому, кто чист телом, но вор в душе?

И что за наказание наложите вы на того, кто убил телесно, но прежде сам был убит другими духовно?

И как вы накажете того, кто по делам своим обманщик и угнетатель.

И в то же время сам — жертва Обмана и насилия?

И как вы накажете тех, чье раскаяние стало уже большим чем то, что они совершили?

Ведь разве раскаянье не есть то, что как раз и хочет получить от виноватого правосудие, которому вы рады служить?

И все же вы не можете дать раскаяние невинному или отобрать его от сердца виноватого.

Неумолимо будет приходить оно ночью, чтобы человек мог проснуться и взглянуть на себя.

А вы, стремящиеся понять справедливость, как вы поймете ее, не взглянув на дела все в полном свете дня?

Только тогда поймете вы, что тот, кто стоит, и тот, кто упал, — всего лишь один человек, находящийся в сумерках между ночью низости и светом того, что божественно в его душе.

Ведь и самый главный из камней храма ничуть не выше самого нижнего камня в его фундаменте.

И тогда сказал адвокат:

— Что ты думаешь о наших законах, учитель?

И он ответил так.

— Вы с удовольствием создаете законы.

И с еще большим удовольствием вы их нарушаете.

Так дети на песке у океана играют, строя все новые песчаные башни, чтобы со смехом сломать их.

Но пока вы строите свои песчаные башни, океан приносит на берег все новый и новый песок.

И когда вы ломаете, то, что построили, океан, смеется вместе с вами.

Поистине, океан всегда смеется над простодушными.

Но как быть с людьми, для которых жизнь не океан и созданные человеком законы не песчаные замки.

Как быть с теми, для кого жизнь это скала, а закон это кирка, которой они хотят изменить форму скалы по своему желанию?

Как быть с калекой, ненавидящим танцы?

Как быть с влюбленным в хомут свой домашним волком, для которого гуляющие по лесу лось и олень — только бездомные бродяги без рода и племени?

Как быть со старым змеем, который уже не может сбросить свою старую кожу и поэтому называет всех тех, кто ее сбрасывает, голыми и бесстыжими?

И как быть с тем, кто приходит самым первым на свадебный пир, а когда, наевшись, устанет, уходит, говоря, что все пиры — это лишь нарушение порядков, а те, кто пирует, нарушают законы.

Что я скажу о них всех — только то, что они хоть и стоят в лучах солнца, но на солнце смотрят их спины.

А они видят лишь свои тени и тени свои принимают они за законы.

И что для них солнце, если не простой создатель теней?

Но вы, кто идет лицом к солнцу, — разве рисунки на брэнной земле остановят вас?

И вы, кто в дружбе с ветрами, — нужен ли вам флюгер вертящийся, чтобы указать путь?

Какой закон человека свяжет вам руки, если вы сами, сбросив хомут свой, не тронули тюремные двери других?

Какой закон человека испугает вас, если, танцуя, вы не спотыкайтесь о кованные цепи других?

И кто осудит вас, если вы сорвете с себя одежды, но не бросите их на дорогу другого?

Люди Орфалеса, вы можете заставить замолчать барабан и ослабить струны лиры, но кто может приказать жаворонку замолчать?

И произносящий речи просил:

— Скажи нам о свободе. И он ответил так:

— У городских ворот и у очагов ваших домов я видел, как вы простирались ниц, молясь на свою свободу,

Точно так же рабы простираются перед тираном и хвалят его, хотя он казнит их.

И в роще у храма, и в тени крепости я видел, как даже самые свободные из вас носят свободу свою как ошейник и наручные цепи.

И сердце мое облилось кровью, потому, что вы можете быть свободными лишь тогда, когда желание быть свободным навсегда станет вашей привычкой, и вы перестанете говорить о свободе как о вашей цели и высшем предназначении.

Вы будете воистину свободны, но лишь тогда, когда ваши дни станут полны забот, а ваши ночи будут полны желания и грусти.

И когда, оплетенные ими, вы вырветесь и подниметесь над жизнью, хотя и обнаженные, но сбросившие все эти путы — тогда вы свободны.

Разве можете вы подняться над своими днями и ночами, не разорвав цепей, которыми вы опоясали

свое будущее еще на рассвете вашего понимания вещей?

Ведь то, что вы зовете свободой, — это самая прочная из цепей, и звенья ее сверкают на солнце и ослепляют ваши глаза.

И что, как не частицы вашего "Я", должны вы раздробить, чтобы стать свободными?

Если есть несправедливый закон, который вам хотелось бы отменить, помните — этот закон был когда-то начертан вашей рукой на вашем собственном лбу.

И вы не сотрете его, даже если сожжете свои книги законов, и не смоее его со лбов ваших судей, хоть выльете на них все ваше море.

И если вы собираетесь лишиться власти тирана, посмотрите сперва, уничтожен ли трон его, возведенный в вашей душе.

Ведь тиран может властвовать над свободными и гордыми, если только внутри их свободы есть тирания и внутри их гордости прячется стыд.

И если вы хотите сбросить с себя какую-либо заботу, значит, эта забота была выбрана вами самими, а не возложена кем-то на вас.

И если вам хочется рассеять свой страх, помните, гнездо этого страха лежит в вашем сердце, а не в руке того, кого вы боитесь.

Поистине все движется внутри нас как светлые пятна и тени, переплетенные вместе.

Поистине все движется внутри нас в постоянном полуобъятии — то, чего вы желаете, и то, чего вы боитесь, отвратительное и почитаемое, то, к чему стремитесь, и то, чего хотели бы избежать.

Все эти вещи движутся внутри вас как светлые пятна и тени, переплетенные парами вместе.

И когда одна тень рассеивается, сливаясь со светлым пятном, и исчезает, то, что остается, становится тенью для другого, более яркого света.

Так же и ваша свобода — вырвавшись из кандалов, она превращается в цепи для еще большей свободы.

И жрица храма заговорила снова:

— Скажи нам о рассудке и страсти. И он ответил так:

— Ваша душа — часто поле сражения, где ваши рассудок и разум воюют с желанием и страстью.

Если бы я мог стать миротворцем в ваших душах, я превратил бы разлад и борьбу этих стихий в единство мелодии.

Но как я смогу сделать это, если вы сами не хотите быть миротворцами, не хотите стать любовниками каждой из этих стихий.

Ваш рассудок и ваша страсть — это руль и парус фрегата вашей души.

И если паруса ваши или руль будут сломаны, ваш фрегат может только метаться бесцельно или застыть посередине огромного моря.

Потому что рассудок, если правит один, — это сила, но сила имеющая предел.

А страсть, если неуправляема, — это пламя, что сжигает дотла.

Поэтому позвольте вашей душе поднять ваш рассудок до высот страсти, чтобы он мог запеть.

И пусть рассудок направляет вашу страсть разумно, чтобы страсть могла воскресать изо дня в день и восставать, словно феникс из собственного пепла.

Мне бы хотелось, чтобы вы взглянули на ваши суждения и ваши желания как на гостей дорогих, сидящих за вашим столом.

Вы ведь не будете возносить одного из гостей выше другого, потому что тот, кто заботится больше об одном из гостей, теряет уважение и любовь обоих.

Среди холмов, когда вы сидите в прохладной тени тополей, внимая спокойствию и безмятежности дальних полей и лугов, пусть ваше сердце скажет молчаливо: "Бог покоится в рассудке".

И когда приходит буря и дикие ветры сотрясают лес, и гром и молния провозглашают величие неба, тогда пусть ваше сердце воскликнет, в благоговейном трепете: "Бог обретает движение в страсти!"

И так как вы — лишь дыхание божественных сфер и лишь лист в лесу Бога, вы тоже должны покоиться в рассудке и обретать движение в страсти.

Тогда заговорила женщина;

— Расскажи нам о боли. И он ответил так:

— Ваша боль оттого, что ломается оболочка, скрывавшая вас от понимания вещей.

Чтобы сердце плода могло предстать перед солнцем, его твердая косточка должна расколоться.

Вот так и вы должны узнать свою боль.

И если бы сердце ваше не переставало изумляться чудесам, которые жизнь приносит вам каждый день, ваша боль казалась бы вам не менее дивной, чем радость.

И вы бы смирились со сменой времен года вашего сердца подобно тому, как принимаете и смену сезонов, проходящих через ваши поля.

И наблюдали бы с безмятежностью за зимами ваших печалей.

Значительную часть вашей боли вы выбрали сами.

Это горькое снадобье, которым врач внутри вас лечит заболевшую часть вашего "Я".

Поэтому доверьтесь врачу и пейте его лекарство молчаливо и безропотно.

Потому что как ни тяжела и ни жестока рука — она управляется бережной рукой Невидимого.

И чаша, что Он вам поднес, хотя и жжет ваши губы, сделана гончаром из глины, смоченной Его собственными святыми слезами.

И просил мужчина:

— Скажи нам о познании себя. И он ответил так:

— Ваши сердца знают, но молчат о секретах дней и ночей.

Но уши ваши жаждут услышать о том, что знает сердце.

И вы услышите в словах то, что вы всегда знали - в мыслях.

И вы дотронетесь пальцами до нагого тела ваших мечтаний.

Так это и должно быть.

Ведь скрытый родник вашей души должен пробудиться и побежать, журча, к морю.

И сокровище ваших бесконечных глубин должно открыться вашим глазам.

Но пусть не будет весов, чтобы взвесить это сокровище, которое вам неизвестно.

И не стремитесь измерить глубину познания себя при помощи мерной рулетки.

Потому что "Я" — это море, которое не имеет границ и которое невозможно измерить.

Не говорите "я нашел правду", а скажите "Я нашел крупицу правды".

Не говорите "я нашел дорогу, по которой идет душа", а скажите, встретил душу, идущую моей дорогой".

Потому что душа идет всеми дорогами. Потому что душа не идет по прямой и не растет как тростник.

Потому что душа как цветок лотоса открывает свои лепестки один за другим и число их нельзя счесть.

Тогда просил учитель:

— Расскажи нам об учении.

И он сказал так:

— Ни один человек не покажет вам больше, чем то, что уже лежит в полусне рассвета вашего знания.

И учитель, ходящий в тени храма в окружении учеников, дарит им не мудрость свою, а только веру и способность любить.

Если он действительно мудр, он не пригласит вас в дом своей мудрости, а лишь подведет к порогу вашего собственного ума.

Зрящий звезды может рассказать вам о своем понимании пространства, но он не может дать вам своего понимания.

Музыкант может петь вам о ритме, который вез-де, но он не может дать вам слух, чтобы уловить этот ритм или голос, чтобы его повторить.

И тот, кто сведущ в науке о числах, может рассказать вам о мире мерностей и отношений, но он не может провести вас туда.

Потому что прозрение одного человека не простирает свои крылья на другого.

И как каждый из вас стоит в одиночку перед Ним, так каждый из вас должен быть одинок и в своем знании Его и в понимании Земли.

А потом вышел юноша и попросил:

— Скажи нам о дружбе. И он ответил так:

— Ваш друг — это ваши удовлетворенные нужды.

Он — ваше поле, которое вы засеваете любовью и пожинаете благодарностью.

И он — ваш стол и очаг.

Вы приходите к нему голодные для того, чтобы насытиться покоем.

Когда ваш друг открывает вам свои мысли, не бойтесь говорить ему "нет" лишь про себя и не отказывайте ему в "да".

И когда он молчит, пусть ваше сердце не перестает слушать сердце его.

Потому что если есть дружба, то все мысли, все желания и все надежды рождаются и разделяются с радостью, которой не нужно признание и не нужны слова.

Но не горюйте, когда вы расстаетесь с другом своим, ведь то главное, что вы любите в нем, может быть виднее в разлуке — как путешественнику гора видится лучше с равнины.

И пусть не будет в вашей дружбе целей других — только углубление духа.

Потому что любовь, которая ищет не только открытия собственной тайны, — это уже не любовь, а лишь сеть, брошенная наугад, чтобы поймать что попадется.

И пусть все лучшее в вас будет для друга.

Но раз уж он должен знать ваши отливы, пусть он знает и ваши приливы.

Ибо, зачем вам нужен друг, если вы ищете его, только чтоб скоротать свое время?

Ищите встречи с другом всегда, когда у вас есть время жить.

Ведь друг существует, чтобы удовлетворить вашу нужду, а не заполнить в вас пустоту.

И в сладости дружбы пусть будут смех и разделенные радости.

Потому что сердце находит утро своего. "Я" и набирается сил как раз в росе малых вещей.

И тогда ученый человек просил:

— Скажи нам о разговоре. И он ответил так:

— Вы разговариваете, когда перестаете быть в мире с вашими мыслями.

И когда вы больше не можете жить в одиночестве вашего сердца, вы живете губами, а звук становится лишь развлечением.

И во многом из того, что вы говорите, мысль наполовину убита.

Потому что мысль — это птица открытых пространств, которая в клетке из слов может расправить крылья, но не может летать.

Есть среди вас и такие, кто ищет разговорчивого из страха остаться наедине с собой.

Молчание одиночества обнажает глазам их собственное "Я", и им хочется бежать от себя.

И есть те, кто в разговоре неосознанно открывают правду, которую сами не понимают.

И есть те, у кого правда, в них самих, но они не говорят о ней словами.

И в груди их дух живет в ритмичном молчании.

Когда ты встретишь друга на дороге или на базаре, пусть дух, что живет в тебе, движет твоими губами и управляет твоим языком.

И пусть голос твоего голоса говорит уху его уха.

Потому что его душа будет хранить правду твоего сердца, как хранится вкус вина, когда цвет его забыт и сосуда уж нет больше.

И считающий звезды спросил:

— Учитель, а время — что это такое? И он ответил так:

— Вы хотели бы измерить необъятное и неизмеримое — время. Вы хотели бы приспособить себя и даже направить дух свой по пути, соответствующему часам и сезонам.

Из времени вы хотели бы сделать ручьи, на чьем берегу вы сидели бы, глядя как время течет.

И все же непреходящее в вас понимает, что жизнь неподвластна течению времен.

И знает, что "вчера" — это всего лишь память "сегодня", а "завтра" — это лишь мечта "сегодня".

И то, что поет в вас и созерцает, все еще живет в границах той первой секунды, которая разбросала звезды в пространстве.

Кто из вас не чувствует, что его сила любить не имеет границ?

И все же кто-то не чувствует, что та же любовь, столь безграничная, заключена внутри лишь его самого и не движется от одной любовной мысли к другой или от одного любовного действия к другому.

И разве само время не то же, что и любовь — неделимо и безгранично?

Но коль в ваших мыслях вы должны измерять время сезонами, пусть каждый сезон охватывает все другие времена года.

И пусть "сегодня" обнимет все прошлое, укутав его памятью, и будущее страстным желанием его.

И один из старейшин города просил:

— Скажи нам о добре и зле.

И он ответил:

— О хорошем в вас я могу говорить, а не о зле.

Ведь что есть зло, если не добро, измученное собственным голодом и жаждой?

Поистине, когда добро голодно, оно ищет пищу даже в темных недрах, и, когда оно жаждет, оно пьет даже мертвые воды.

Вы добры, когда вы едины сами с собой. Но и когда вы разъединены, вы не злы.

Потому что дом, где нет согласия, — еще не гнездо воров, это просто дом, где нет согласия.

И корабль без руля может плавать без цели между опасными островами и все же не уйти на дно.

Вы добры, когда позволяете себе дарить.

Но и когда вы хотите получить для себя, вы не злы.

Потому что когда вы стараетесь приобрести, вы просто корень, который, прильнув к груди земли, сосет ее молоко.

Конечно, плод не может сказать корню: "Будь как я зрелым и всегда раздающим свое изобилие".

Потому что для плода отдавать — его назначение, так же как получать — предназначение корня.

Вы — носители добра, когда вы говорите, все ваши чувства не спят, отражаясь в словах.

Но вы не несете зла, даже когда ваш язык бормочет что-то без цели, в то время как "Я" ваше спит.

Ведь даже бормотание может усилить слабый язык.

Вы — носители добра, когда вы идете к цели своей твердо и шаги ваши смелы.

Но вы не несете зла и когда вы идете, хромая.

Даже тот, кто ходит хромая, тоже идет вперед.

Но вы, которые сильны и быстры, смотрите, чтобы не хромать перед настоящим хромым, думая, что этим вы делаете доброе дело.

Вы хороши в бесчисленных добрых делах, но вы не несете зла и когда вы не делаете добра.

Вы просто теряете даром время и медлите.

Жаль, что олени не могут учить быстроте черепах.

В вашем стремлении сделать свое "Я" огромным лежит ваша доброта, и это стремление есть в каждом из вас.

Но в некоторых это стремление сильно как поток, мощно несущийся к морю, увлекающий за собой тайны склонов холмов и песни лесов.

А в других то же стремление — лишь тихий ручей, теряющийся в собственных поворотах и изгибах и не достигающий моря.

Но пусть тот, кто ретив, не скажет тому, кто спокоен: "Почему ты медлишь и останавливаешься?"

Потому что настоящий носитель добра не спросит у голого: "Где твое платье?", или у бездомного:

"Что случилось с твоим домом?"

Тогда жрица просила:

— Скажи нам о молитве.

И он ответил так;

— Вы молитесь, когда у вас нужда или горе, а ведь могли бы молиться также в дни ваших радостей и в дни изобилия.

Ведь что есть молитва, если не продолжение нашего "Я", живущего в небесном пространстве?

И если вам становится лучше, когда вы изливаете свою тьму в это пространство, вам будет приятно излить туда и зарю своего сердца.

И если ваша душа зовет вас на молитву, вы можете лишь рыдать, она должна побуждать, вас к этому снова и снова, пока рыдания ваши не перейдут в смех.

Когда вы молитесь, вы поднимаетесь ввысь,

чтобы встретиться с теми, кто тоже молится в этот час и кого без молитвы вы никогда бы ни встретили.

Поэтому пусть ваш визит в этот невидимый храм будет лишь для восторга и радости встречи.

Потому что если вы вошли в храм, только чтобы просить, вы не подучите.

И если вы вошли в него только для того, чтобы унизить себя, вас не поднимут.

И даже если вы вошли в храм, чтобы молиться лишь о благополучии других, вас не услышат.

Достаточно того, что вы входите в тот невидимый храм.

Я не могу дать вам слова ваших молитв. Бог слушает не слова ваши, кроме тех случаев,

когда он сам вкладывает их в ваши уста. И я не могу научить вас молитве ваших морей и

лесов и гор.

Но вы, дети тех гор и лесов и морей, сами найдете их молитву в вашем сердце.

И если вы просто прислушаетесь в тишине ночи, вы услышите, как они говорят молчаливо:

"Наш Бог, ты создал наше крылатое "Я". Это Твоя воля повелевает в нас. Это Твое желание желает в нас. Это с Твоего побуждения наши ночи, Которые принадлежат Тебе, - Превращаются в дни, тоже Твои. Мы не можем просить у Тебя ничего, Потому что Ты знаешь наши нужды Прежде, чем они в нас рождаются. Ты придумал нам нашу нужду И, давая нам больше Себя, Ты дашь нам все, что нам надо".

Тогда отшельник, который заходил в город раз в году, вышел вперед и просил;
— Скажи нам об удовольствии.

И он ответил:

— Удовольствие — это песня свободы, но это не свобода.

Это цветение ваших желаний, но это не плод их.

Это глубина, зовущая ввысь, но это не та глубина и не та высота.

Это заключенный в клетку, которому дали вдруг крылья.

Но это не заключенное в клетку пространство.

Да, поистине, удовольствие — это песни свободы.

И я буду рад, если вы желаете его от всего сердца, хотя я не хотел бы, чтобы вы потеряли сердце свое в этом пении.

И есть среди вас юноши, что ищут удовольствия, как если бы в них все заключалось — их вы уже осудили и упрекнули.

Но я бы не стал осуждать и упрекать, я дал бы им возможность искать.

Конечно, они найдут множество удовольствий, а не одно.

У него есть семь сестер, и каждая из них еще более прекрасна, чем просто удовольствие.

Разве вы не слышали о человеке, который копался в земле, чтобы найти корни, а нашел сокровище.

И есть среди вас старики, кто вспоминает удовольствия с сожалением, как будто это были ошибки, совершенные ими, когда они были пьяны.

Но сожаление — это затмение разума, а не способ себя наказать за то, что прошло.

Им бы лучше вспомнить их удовольствия с благодарностью, как они вспоминали бы об урожае лета.

И все же, если их сожаления утешают их, пусть они утешаются.

И есть среди вас те, кто уже не юн, чтобы искать, и недостаточно стар, чтобы лишь вспоминать.

И, страшась искать или вспоминать, они избегают всех удовольствий, чтобы не обделить свой дух, не оскорбить его.

Но даже в таком отречении находят они свое удовольствие.

Вот так они тоже находят сокровища, хотя их дрожащие руки роют землю в поисках корней.

Но скажите мне, кто может обидеть Дух?

Разве соловей обижает тишину ночи или светлячок — звезды?

И разве ваше пламя или ваш дым обременяют ветер?

Вы думаете, что дух — это тихий водоем, который можно взволновать посохом? Часто, отказываясь от удовольствия, вы просто прячете желание его в тайники вашего "Я".

Но кто знает, может то, что кажется упущенным сегодня, ожидает вас завтра? Даже ваше тело знает то, чем может гордиться, знает свои законные права, и его не ввести в заблуждение. А ведь ваше тело — это арфа вашей души. И от вас зависит, извлечь из нее чарующую музыку или череду разрозненных звуков.

А теперь вы спрашиваете в вашем сердце: "Как мы отделим то, что хорошо в удовольствии, от того, что не хорошо?"

Идите в ваши поля и ваши сады, и вы узнаете, что для пчелы удовольствие собирать мед с цветка.

Но для цветка отдавать свою сладость пчеле тоже удовольствие, потому что для пчелы цветок — это фонтан жизни.

А для цветка пчела — посланник любви.

И для обоих, для пчелы и цветка, давать и получать удовольствие — то и необходимость и наслаждение.

Люди Орфалеса, будьте в ваших удовольствиях как цветы и пчелы.

И вышел поэт и просил:

— Скажи нам о красоте. И он ответил так:

Где вы найдете красоту и как узнаете вы ее, если она сама не будет вашей дорогой и поводом?

И как вы будете говорить о ней, если она не будет тем ткачом, который тклет вашу речь?

Горемыка или раненый скажет, что красота добра и милосердна, как молодая мать, еще стесняющаяся своего собственного великолепия, она идет среди нас.

А страстный скажет:

— Нет, красота — это нечто могучее и устрашающее. Как буря она сотрясает землю под ногами и небо над головой.

Усталый и утомленный скажет:

— Красота — она как мягкий шепот. Она говорит с нашим духом. Ее голос утихает перед нашим молчанием как слабый огонь, что трепещет от страха перед тенью.

Но беспокойный скажет:

— Мы слышали ее кричащей среди горных вершин. И с ее криками доносились цокот копыт и хлопанье крыльев и рычание львов.

Вечером стражник города скажет:

— Красота встанет на востоке с рассветом.

А в середине дня те, кто трудится или путешествует, скажут:

— Мы видели ее склонившейся над землей из окон заката.

Зимой занесенные снегом скажут:

— Она придет с весной, бегущей по холмам. А в летней жаре жнецы говорят:

— Мы видели ее танцующей с листьями осени, и мы видели снежные пряди в ее волосах.

Все это говорили вы о красоте.

И все же, по правде, вы говорили не о ней, а о своих неудовлетворенных нуждах.

Красота же — это не нужда, но экстаз.

Это не пересохший рот или пустая протянутая за подаванием рука.

Это, скорее, объятые пламенем сердце и поющая от восторга душа.

Это не образ, который можно увидеть, и не песня, которую можно услышать.

Это, скорее, образ, что стоит перед вами, хотя вы закрыли глаза, и весна, которую слышно, хотя вы закрыли уши.

Это не сок, сохранившийся в ободранной коре дерева, и не крыло, скрепленное с когтем.

Это, скорее, сад, который вечно в цвету, и сонм ангелов, которые всегда в полете.

Люди Орфалеса, красота — это жизнь, когда она снимает покрывало со своего святого лица.

Но вы сами являетесь этой жизнью и вы сами — ее покрывало.

Красота — это вечность, смотрящая на себя в зеркало.

Но вы сами являетесь этой вечностью и вы зеркало.

И старый жрец просил:

— Скажи нам о религии.

И он сказал так:

— А разве я говорил сегодня о чем-нибудь еще?

Разве религия — это не все ваши дела и все их отражения. И не все то, что не является ни делом, ни его отражением, а лишь радостью и удивлением, всегда льющим из вашей души, даже когда руки ваши рубят камень или работают за ткацким станком.

Кто может отделить свою веру от своего действия или убеждение от того, чем он занят?

Кто может расстелить свое время пред собой, говоря, что это для Господа, а это для меня, это для моей души, а это, другое, для тела?

Все ваши часы — это крылья, несущие вас сквозь пространства от себя к себе.

Тот, кто носит свои правила подобно выходному платью, лучше оставался бы голым.

Ведь ветер и солнце не прорвут дыр в его коже.

И тот, кто определяет свою жизнь лишь правилами, заключает певчую птицу в клетку.

Самая свободная песня не приходит из-за решетки, не приходит она и из-за колючей проволоки.

И тот, для кого молитва это окно, которое можно открыть, но можно и закрыть, еще не посетил дом своей души, чьи окна простираются от зари до зари.

Ваша будничная жизнь является вашим храмом и вашей религией. И всегда, когда вы входите туда, берите с собой все, что у вас есть.

Возьмите с собой плуг и наковальню, молот и лютню. Все те вещи, что вы создали по нужде или для наслаждения.

Потому что в молитвах своих вы не сможете подняться выше своих достижений или пасть ниже своих неудач.

И возьмите с собой всех людей.

Потому что в молитвах вы не сможете ни взлететь выше, чем их надежды, ни унижить себя ниже отчаяния их.

И если вы узнаете Господа, не ждите, что Он ответит на ваши вопросы и исправит ваши ошибки.

Лучше посмотрите вокруг и увидите Его играющим с вашими детьми.

Взгляните в пространство и увидите Его идущим по облаку, простирающим руки Свои в виде молний и спускающимся в виде дождя.

Вы увидите, что Он улыбается в цветах, а потом поднимается и шевелит руками Своими в деревьях.

Тогда Ал-Митра заговорила;

— Хотим спросить тебя о смерти. И он сказал так:

— Вы хотели бы узнать секрет смерти.

Но как вы найдете, если не будете искать его в сердце жизни?

Филин, чьи привыкшие к ночи глаза слепы днем не может снять покрывало, с тайны света.

Если вы действительно хотите узнать дух смерти, откройте широко ваше сердце для тела жизни.

Потому что жизнь и смерть — одно целое так же, как одним целым являются река и море.

В глубине ваших надежд и желаний лежит ваше молчаливое знание потустороннего. И как семена, что спят под снегом, ваше сердце грезит о весне.

Верьте этим снам; ибо в них скрыты ворота в вечность.

Ваш страх - перед смертью — это только дрожь пастуха, стоящего перед своим королем, чья рука готова отметить его почетом.

Разве пастух не рад, хоть и дрожит, что сам король отметит его?

И все же разве не думает он больше всего о дрожи своей?

Разве умереть не значит лишь встать обнаженным под ветер, чтобы слиться, расплавившись, с солнцем?

И разве остановка дыхания не есть лишь освобождение его от беспокойных приливов и отливов — так, чтобы оно поднялось и простерлось без всяких забот в поисках Господа?

Только испив из реки молчания, вы сможете по-настоящему петь.

И когда вы достигнете вершины горы, только тогда вы сможете начать восхождение.

И когда земля призовет все ваше тело, тогда только вы начнете настоящий свой танец.

И подошел вечер. И Ал-Митра, пророчица, сказала:

— Пусть будет благословен этот день и это место и твой дух, который говорил с нами. И он ответил:

— Разве это я говорил с вами?

Разве я тоже не был лишь слушатель? После этого он сошел со ступеней храма, и

все люди последовали за ним.

И он взошел на корабль и встал на палубе. И, снова взглянув на толпу, он возвысил голос и сказал:

— Люди Орфалеса, мой ветер говорит мне, что я должен покинуть вас!

Я не так тороплюсь как ветер, и все же я должен уйти.

Мы — скитальцы, всегда выбираем самую пустынную из дорог и не начинаем дня там, где мы окончили предыдущий.

И ни один восход не найдет нас там, где закат оставил нас. Даже когда земля спит, мы в пути.

Мы — семена цепких растений.

И как только мы возмужаем и сердца наши станут полны, нас бросают по ветру, который разносит нас.

Мои дни среди вас были так кратки, но еще короче были слова, что я вам сказал.

Но если голос мой перестанет звучать в ваших ушах и моя любовь исчезнет из вашей памяти, тогда я снова вернусь.

И я буду снова говорить с вами еще более полным сердцем и еще более податливыми духу устами.

Да, я вернусь, когда придет срок.

И хотя смерть может спрятать меня, и я буду окутан еще большим молчанием, я снова буду искать вашего понимания. И я буду искать его не безответно. Ведь если то, что я говорил, окажется истинным, эта истинность заявит о себе еще более ясным голосом, и слова ее будут лучше отвечать вашим мыслям. Меня уносит ветер, но я не кану в пустоту.

И если этот день не стал днем, когда вы стали беззаботными, но моя любовь принесла плоды вам, тогда пусть этот день будет обещанием другого дня.

Заботы человека меняются, но любовь его постоянна и постоянно его желание, чтобы эта любовь заботилась о его заботах.

Поэтому знайте, что и из большего молчания я вернусь к вам.

Туман, который уходит с восходом, оставляя на полях только росу, поднимется и соберется в облако, а затем упадет дождем.

И я тоже был подобен этому туману.

В молчании ночей, ходил я по улицам вашим, и мой дух входил в ваши дома.

И биение ваших сердец было в моем сердце, и ваше дыхание было на моем лице, и я знал вас всех.

Да, я делил с вами вашу радость и вашу боль.

А когда вы засыпали, ваши сны становились моими снами.

И часто я был среди вас как озеро между горами. Я отражал ваши вершины и неровные склоны и даже пролетающие стайки ваших мыслей и ваших желаний.

И ручьи смеха ваших детей и реки томления ваших юношей впадали в мое молчание.

Эти ручьи и реки не перестали петь даже тогда, когда они достигали глубин моего "Я".

Но что-то еще более нежное, чем смех, и большее, чем томление, вошло в меня.

Это была безграничность, которую я нашел в вас.

Огромный великан, в котором вы все лишь клетки.

Великан, в чьем пении ваше пение — лишь беззвучное сотрясение воздуха.

В этом великане и каждый из вас был огромен.

И, глядя на него, я до конца разглядел и полюбил вас.

Разве все расстояния, что пролетает любовь, не в пределах этого великана?

И разве есть видения, догадки и надежды, которые могут уносить дальше, чем этот полет?

Как гигантский дуб, покрытый яблоневым цветом, живет в вас этот великан.

Его мощь пригибает вас к земле, но аромат поднимает вас ввысь и в его долговечности вы и сами бессмертны.

Вам говорили, что подобно цепи вы слабы самым слабым своим звеном.

Мерить вас самыми малыми вашими делами все равно, что мерить мощь океана хрупкостью его пены.

Обвинять вас за ваши неудачи все равно, что обвинять времена года за их непостоянство. Да, вы похожи на океан.

И хотя тяжело груженные суда ждут прилива на ваших берегах, все же, подобно океану, вы: не можете поторопить ваши приливы. Но вы похожи и на времена года. Ведь, хотя зимой вы отрицаете существование вашей весны, все же весна, дремлющая внутри нас, улыбается во сне и не в обиду на нас.

Но не думайте, что я говорю это лишь для того, чтобы вы сказали друг другу: "Он оценил нас хорошо, высоко и он видел только хорошее в нас".

Я лишь говорю вам словами то, что вы сами знаете в мыслях своих.

А ведь что такое словесное знание, как не жалкая тень бессловесного?

Ваши мысли и мои слова — это лишь волны запечатанной памяти, в которой хранятся записи про наши "вчера" и про древние дни, когда земля не знала еще ни нас, ни себя, и про ночи, когда все на земле было еще в беспорядке.

Мудрецы приходили к вам, чтобы дать вам своей мудрости.

Я же пришел, чтобы взять от мудрости Вашей. И вот отыскал то, что больше чем мудрость.

Это пламень вашего духа, который все разрастается, пока вы, не обращая внимания на этот рост, сокрушаетесь лишь об увядании ваших дней. Но боится могилы только жизнь, которая ищет жизни лишь во плоти. Здесь же нет могил.

Эти горы и эти равнины — они и колыбель и ступенька.

Когда вы проходите мимо поля, где вы хоронили предков своих, посмотрите туда хорошенько и увидите там себя и своих детей, танцующих вместе, взявшись за руки. Поистине, вы часто танцуете там, не ведая о том.

К вам приходили, другие — они обещали вашей вере горы богатства, и за то обещание вы отдали им ваши богатства, вашу власть, вашу славу.

Я дал вам меньше, чем обещание, и все же вы были много щедрее ко мне.

Вы дали мне еще большую жажду жизни.

А ведь нет большего для человека подарка, чем тот, что превращает его цели в желания, от которых его пересохшие губы и вся жизнь становится как чудесный источник.

И мой почет, и мое вознаграждение — вот они в чем: всегда, когда я подхожу напиться к тому источнику, я нахожу, что его живая вода сама томится жаждой.

И пока я ее пью, она пьет меня.

Кто-то из вас думает, что я горд или слишком стеснителен, чтобы брать ваши подарки.

И я действительно слишком горл, чтобы работать за вознаграждение, иное же дело — дары.

Я питался ягодами среди окрестных холмов, когда вы хотели бы видеть меня сидящим за вашим столом.

И спал в портике храма, когда вы с радостью приняли бы меня к себе.

Все же разве не ваше любящее внимание к моим дням и ночам превратило пищу мою в нектар и наполнило мой сон сновидениями?

Но больше всего я благословляю вас вот за что — вы даете много и даже не ведаете о том. А ведь доброта, которая любит себя в зеркале, превращается в камень. И хорошее дело, которое называет себя благозвучным именем; становится родителем проклятия.

Кому-то из вас казался я отчужденным и пьяным своим одиночеством.

И вы говорили: "Он держит совет с деревьями своего леса, но не с нами, людьми. Он сидит одиноко на вершинах холмов и смотрит вниз на наш город".

Это так.

И я поднимался на эти холмы и бродил в отдаленных местах.

Но разве смог бы я увидеть вас, если бы не отходил далеко и не поднимался бы ввысь?

Как может кто-нибудь быть по-настоящему близко, если он не ушел далеко?

И есть среди вас другие, кто не обращался ко мне со словами, но вот их слова:

"Странник, любитель недостижимых высот, почему бродишь ты среди вершин, где строят гнезда орлы?

Почему ищешь то, чего нельзя достигнуть?

Что за бури собираешься ты ловить в свою сеть?

И каких ускользающих птиц видишь ты в своем небе?

Приди и стань таким же, как мы.

Спустись утолить свой голод хлебом из наших запасов и жажду нашим вином".

В одиночестве своих душ говорили они все это.

Но если бы одиночество их было глубже, они бы знали — я искал только секрет вашей радости и вашей беды.

И я охотился только за главным в вашем "Я", за тем, что бродит по небесам. Но за охотником тоже охотились.

Поэтому много моих стрел покинуло лук мой только лишь для того, чтобы найти мою грудь.

И летающий был в то же время ползущим.

Потому что, когда я расправлял свои крылья под солнцем, их тень на земле была лишь черепахой.

И я, верящий, был и тем, кто сомневался. Вот почему я снова и снова сыпал соль на свои раны, сыпал, чтобы глубже верить в вас и лучше узнать вас.

И с верой и знанием, полученными таким трудным путем, я говорю вам так:

— Вы не пленники ваших тел и не привязаны к своим домам и полям.

Ваше "Я" парит над горой и путешествует вместе с ветрами.

Это не то существо, что ползет за теплом, пресмыкаясь под солнцем, или роет норы во тьме, чтобы обеспечить себе безопасность.

Нет, это существо, что свободно, это дух, который обнимает, всю землю и движется вместе с эфиром.

Если эти слова вам непонятны, не пытайтесь в них разобраться.

Туманно бывает начало всех вещей и ясно только в конце.

А я очень хотел, чтобы вы помнили меня как начало.

Жизнь и все, что живет, начинается также в тумане, а не в прозрачном кристалле.

Но кто, кроме кристалла, может сказать рассеивается ли туман?

И хотел бы, чтобы, вспоминая меня, вы помнили вот что: то, что выглядит наиболее слабым и пуганым в вас, в самом деле, есть самое сильное, самое ясное.

Ведь разве не ваше дыхание создало и укрепило ваш остов?

И разве не мечта, которую, никто из вас уже и не помнит, построила этот город и создала все, что в нем есть?

Но если бы вы смогли видеть то ваше дыхание, вы перестали бы видеть все остальное. И если бы вы смогли слышать шепот той вашей мечты, вы не слышали бы уже других звуков.

Но вы не видите и не слышите этого, и это хорошо. Повязка, что закрывает ваши глаза, может быть снята только руками, которые соткали эту повязку.

И глину, которой закрыты ваши уши, можно проткнуть лишь теми пальцами, что разминали ее.

И вы увидите.

И вы услышите.

И все же вы не будете сожалеть, что знали слепоту, и печалиться, что были глухи.

Потому что в тот день вы узнаете скрытые назначения всех вещей.

И вы благословите темноту, как вы благословили бы свет,

Сказав все это, он посмотрел вокруг и увидел капитана своего корабля, стоящего у руля и смотрящего то на наполненные ветром паруса, то вдаль. И он сказал:

— Терпелив, слишком уж терпелив кормчий моего корабля.

Ветер дует, и беспокойны паруса. Даже руль сам ищет направление. И все же спокойно ждет капитан моего молчания. И эти моряки, которые слышали хоры огромных морей, тоже слушали меня терпеливо. Но сейчас они не могут ждать дольше. Я готов.

Ручей достиг моря и снова великая мать прижимает сына к своей груди. Всего хорошего вам, люди Орфалеса. Этот день окончился.

Он закрывается для нас как водяная лилия закрывается для собственного завтра. То, что было дано нам здесь, будем хранить.

И если этого недостаточно, тогда снова должны мы собраться и вместе протянуть руки дающему.

Не забывайте, что я вернусь к вам снова. Еще немного, и моя тоска начнет собирать пыль и пену для другого тела.

Еще немного, мгновение отдыха в попутном ветре, и другая женщина родит меня.

Всего хорошего вам и моей юности, которую я провел с вами.

Ведь только вчера мы встретились во сне.

Вы пели мне о моем одиночестве, а я из ваших стремлений строил в небе свой воздушный замок.

Но сейчас наш сон ушел от нас, и наши сновидения растаяли, и рассвет уже давно настал.

Полдень уже подходит к нам, наша дремота уже превратилась в день, и мы должны расстаться.

Если в сумерках памяти мы встретимся еще раз, мы снова будем говорить вместе, и вы споете мне песни с более глубоким смыслом.

И если наши руки встретятся в еще одном сне, мы постороим другой воздушный замок.

Говоря так, он дал сигнал морякам и сразу же они подняли якорь и сняли корабль с места, и он двинулся на восток.

И крик вырвался из уст толпы.

И он поднялся в темноту и понесся над морем, как будто протрубили огромные трубы.

Только Ал-Митра молчала, следя за кораблем, пока он не исчез в тумане.

И когда все люди разошлись, она все еще стояла одна на набережной, вспоминая сердцем его слова:

Еще немного, - мгновение отдыха в попутном ветре, и другая женщина родит меня...